

«НОВГОРОДСКИЕ» КАМЕННЫЕ КРЕСТЫ ЗАПАДНОГО ПРИЛАДОЖЬЯ

Выразительные местночтимые православные святыни — древнерусские каменные кресты Северо-Запада России — неоднократно привлекали внимание исследователей-ставрографов в дореволюционной, советской и постсоветской России [Макарий, 1859; 1960; 1861; Малышевский, 1865; Спицин, 1903; Шляпкин, 1906; Воронин, 1940; Порфиридов, 1963; Седов, 1962; 1976; Кочкарева, 1974; Артемьев, 1988; Овсянников, Чукова, 1990; Овсянников, 1994; Панченко, 1996; 1997; 2002; Соленникова, 1995; 1996; Яшкина, 1998; Чистяков, 2002; Ярмолевич, 2003; Буров, 2006]. Во многом интерес связан с тем, что проблематика каменных крестов стала частью обширной темы христианизации средневековой Руси. К сожалению, белокаменные монументальные кресты Новгородской земли — это одна из многочисленных групп памятников духовной культуры Средневековья, большинство из которых оказались ныне утраченными.

Данная публикация является попыткой ввести в научный оборот один из образцов древнерусской скульптуры, обнаруженный на территории Республики Карелии, в Западном Приладожье.

Средневековый могильник Кюлялахти Калмистомяки, находящийся в окрестностях поселка Хийтола Лахденпохского района Республики Карелия, исследовался в 2006–2008 гг. Карельской археологической экспедицией МАЭ РАН под руководством С.В. Бельского и В. Лааксо. Могильник занимает северо-западный склон каменистого холма на удалении в 0,2 км к западу от берега Ладожского озера. В ходе раскопок были обследованы более пятидесяти погребений, с выразительным сопутствующим инвентарем, относящимся к XIV — I пол. XV в. Памятник можно определить как кладбище при Кюлялашском погосте — центре административного округа в этот период. Одним из значимых открытий 2007 г. была находка фрагментированного каменного четырехконечного креста, высеченного из целого блока известняка, который можно, без сомнения, связать с комплексом некрополя.

Всего в границах раскопа 2006–2007 гг. были найдены 14 обломков от средокрестия и трех лопастей, относящихся к одному изделию. Нижняя и правая части креста отсутствуют. По габаритам фрагменты можно разделить на «крупные» — 6 экз. (max 25 × 30 см), «средние» — 5 экз. (max 20 × 11 см) и «мелкие» — 3 экз. (max 6 × 4 см). Площадь разброса фрагментов составляет 5,5 кв. м, но в основном они были найдены на участке в 4 кв. м в засыпке очень неглубоких могил (0–0,15 м от дна).

В качестве сырья был использован легкий для обработки плитняковый камень известняк-ракушечник желтого цвета с большим количе-

ством на поверхности мелких каверн от выпавших включений. На всех шероховатых плоскостях креста наблюдаются следы от незначительного шлифования. Известняк по своей «мягкой» структуре более подходит для абразивной и резцовой техник обработки, чем, например, гранит или песчаник, из которых на Северо-Западе России делались четырехконечные кресты «простой» формы с минимумом или отсутствием декорирования.

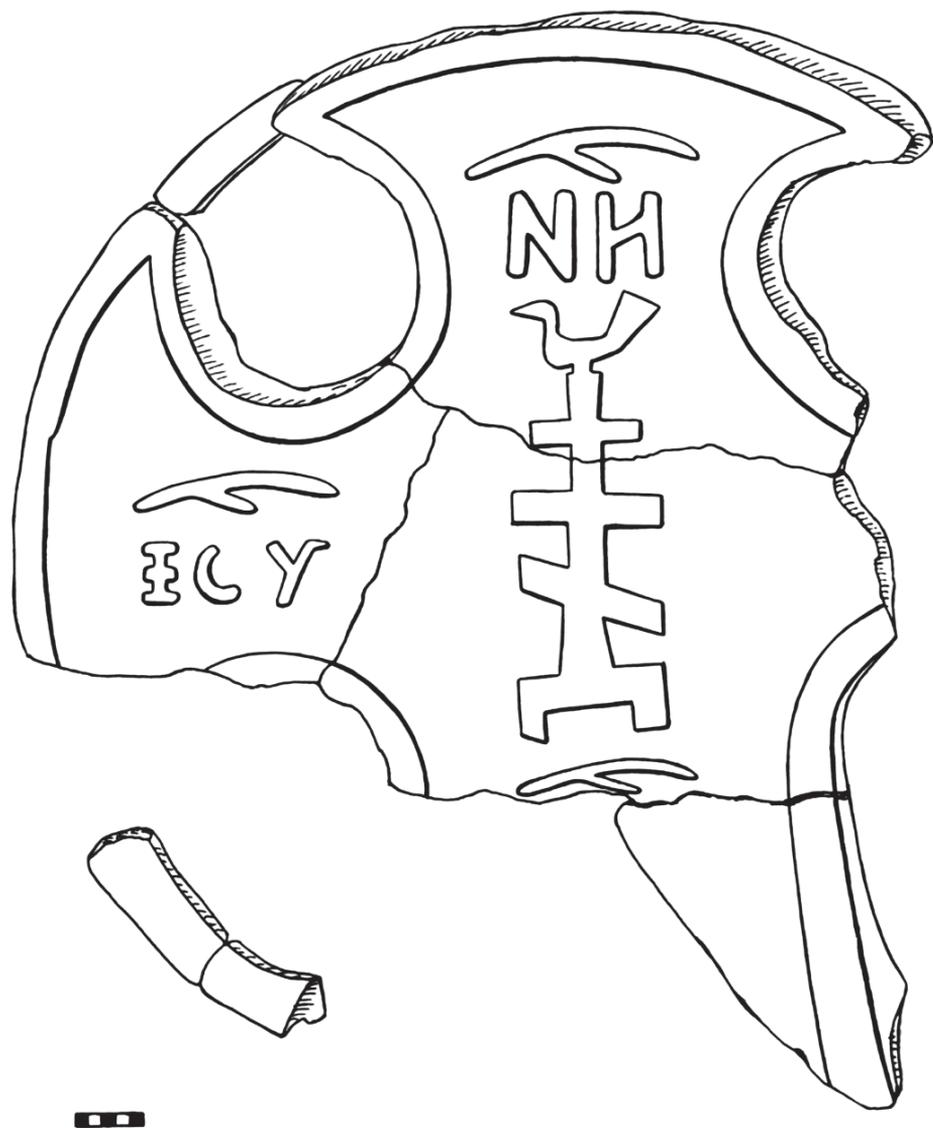
Памятник относится к типу «новгородских» жальничных крестов из плитняка, установленных на каменной плите со «специально для того высеченном гнезде» [Седов 1962: 342]. Это так называемый «крест в круге», т.е. объединяющий в одной фигуре два христианских символа — круг-нимб и крест. Форма креста — «греческая», прослеживаемая с VI в.: примерно равновеликие лопасти с дугообразно выпуклыми торцами резко расширяются от средокрестия к оконечностям [Молодин 2005: 88]. Острые концы лопастей соединены дугообразными «шейками»-перемычками. Расширяющаяся нижняя часть креста выходит за окружность и, вероятно, заканчивалась выступом-шипом, служившим для соединения с постаментом.

Реконструированная высота креста 0,7 м, диаметр круга 0,7 м, наименьшая ширина горизонтальной лопасти 0,19 м, наименьшая ширина верхней лопасти 0,21 м, наибольшая ширина верхней лопасти 0,42 м. Толщина изделия уменьшается от краев к центру — от 7,5–6 до 4,5 см. Можно предположить, что этот параметр изделия в данном случае не был принципиальным. В большинстве известных случаев «новгородские» каменные кресты изготавливались из плит известняка стандартных пропорций: толщиной до 8–12 см, шириной до 80 см и высотой до 0,7–0,8 м.

По периметру края лицевой стороны проложен выпуклый рельефный ободок шириной 2–2,5 см, что наряду с расширяющимся основанием и утопленными «шейками»-перемычками, соединяющими лопасти, считается характерной чертой «новгородских» каменных крестов XIV–XV вв. [Шляпкин 1906, табл. XXI–XXII; Седов 1962: 313]. Обратная сторона креста, как чаще всего и бывает, оставлена гладкой и недекорированной.

Фрагментированность памятника не позволяет высчитать ряд относительных признаков, в частности различные пропорции, несомненно, важные для последующих обобщений [Пежемский 2005: 652].

Части круговых перемычек имеют следы от окрашивания в красноватый цвет. Использование при раскрашивании крестов различных оттенков красного цвета на общем желтом фоне соответствует православной традиции цветовой символики, применяемой от раннего средневековья до «позднего» времени: «Крест раскрашен в обычные неяркие тона русской деревянной резьбы: ободок красноватый, главный крест желтоватый, под ним Голгофа — темно-оливковая, углубленные поля — тускло-голубые, исключая среднего поля на обороте креста, которое тускло-багровое» [Каталог собрания древностей... 1908: 76].

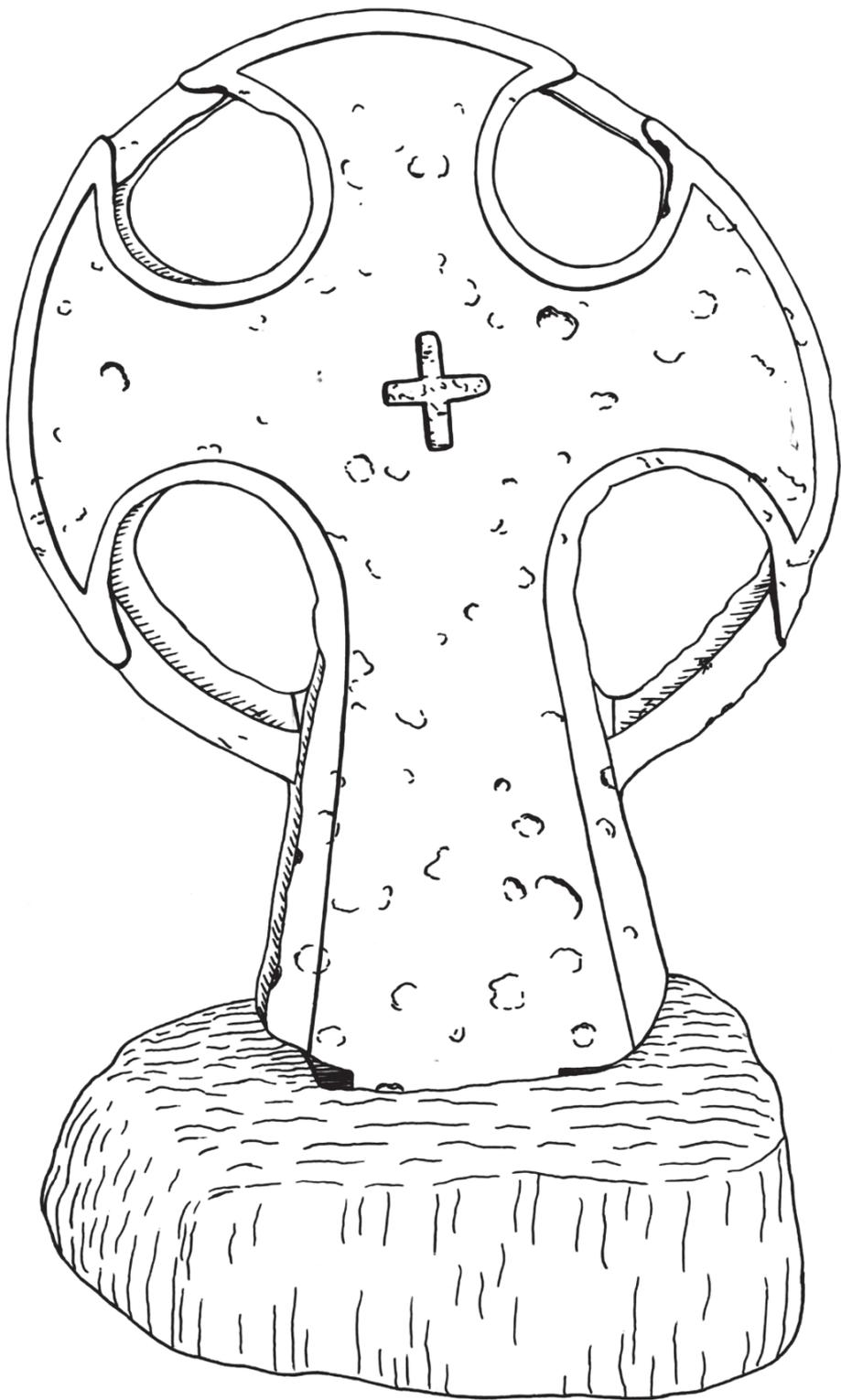
На кресте из Кюлялахти мы можем наблюдать организацию декора с выделением на лицевой плоскости орнаментальных зон на концах лопастей, симметрично уравновешенных относительно вертикальной оси средокрестия. В центральной части креста находится плоскорельефное изображение восьмиконечного Креста Господня с косой нижней перекладной, выступающее над общей плоскостью на 2 мм. Он расположен на Голгофе неусложненной формы — на одноступенчатом подножии. Распятие вырезано очень аккуратно, четко по центру изделия, с сохранением осевой симметрии. Ширина его средней и нижней, наклоненной слева направо перекладной одинакова с шириной Голгофы. На верхней части креста находится повернутое налево изображение «птички» (голубь), с хорошо различаемыми лапками, соприкасающимися с верхней частью креста, туловищем, головой, веерообразным хвостом. Выше ее, в оглавии креста, просматриваются слабовыпуклые буквы «НИ» под титлом, являющиеся началом слова НИКА, которое традиционно разделяется на два слога. Высота букв 4,5 см. Максимальные размеры вырезанного Распятия — 24 × 10,5 см, вместе с «птицей» — 28 × 10,5 см, на левой лопасти под титлом просматриваются буквы «ІСУ» (Иисус). «І» изображено в виде креста с тремя перекладными, что характерно для периода XII–XV вв. [Панченко 2002: 187]. Надписи-монограммы обычно размещались на лопастях креста «по кругу», по часовой стрелке. В нашем случае реконструкция большинства их невозможна из-за отсутствия трети плоскости памятника, но в основании, под подножием, находится титл. Можно предположить, что под средокрестием было расположено окончание монограммы НИКА — «КА». На правой лопасти была вырезана монограмма ХС. Ряд имеющихся изображений, вероятно, несут большую смысловую нагрузку, чем просто воспроизведение стандартных канонических символов. Например, крест на подножии/престоле — это формальный индикатор символа системы владычного управления, что хорошо наблюдается на материалах сфрагистики XIV–XV вв. [Янин 1970: 53; Сакса, Янин 1996: 188]. Голубь — редко встречающийся элемент декора каменных крестов, символ Святого Духа, по мнению Н.В. Покровского, возможно, указывает на старшинство архиерейских кафедр [Покровский 2001].

В северо-восточной бровке раскопа 2007 г., в 3,6 м к северо-востоку от находок фрагментов креста, был обнаружен вытянутый кусок песчаника размерами 1,1 × 0,28 × 0,17 м с аккуратным отверстием в условном центре. Его можно определить как специальную подпятную плиту (постамент) для креста. Отверстие (0,2 × 0,09 м) имеет подпрямоугольную форму и скругленные углы. Плита была использована при создании валунной обкладки одного из погребений. Таким образом, каменный крест из Кюлялахти был разборным и скорее всего из-за «неудобной» формы постамента для большей устойчивости должен был дополнительно вкапываться в землю. Не исключен вариант, что он закреплялся в расщелине скалы, незначительно доминирующей над площадкой могильника.

По косвенным признакам данная находка может датироваться временем существования могильника. Изображение восьмиконечного креста без дополнительных атрибутов — Орудий Страстей Христовых — «ранняя» черта, позволяющая определить время находки периодом до XV в. [Седов 1976: 106; Гнутова 1994: 68]. К сожалению, имеющиеся надписи не настолько характерные, чтобы их палеографию можно было надежно использовать для датировки объекта.

По характеру нахождения фрагментов креста и его постамента в контексте могильника можно утверждать, что он существовал и был разбит раньше создания некоторых погребений. Вероятно, крест был преднамеренно уничтожен во время одного из военных конфликтов политикорелигиозного противостояния между Швецией и Россией XIV—XV вв. Кюлалашский погост упоминается в документе, рассказывающем о разрушительном походе шведов в Западное Приладожье в 1395 г. «В лето 6904 <...> Того же лета пришедше Немци в Корельскую землю и повоеваша два погоста: Кюрьескийи и Кюлоласкийи, и церковь сожгоша; и князь Костянтин с Корелою гнася по них, и язык изима и присла в Новьгород» [НПЛ 1950: 387].

В рамках статьи нужно упомянуть небольшой «новгородский» каменный крест с острова Кильпола (4 км к юго-востоку от могильника Кюлялахти), который был впервые опубликован Т. Швиндтом в 1893 г. [Schvindt 1893: 56]. В последствии его описывают в своих работах А.А. Спицин и И.А. Шляпкин [Спицин 1903: 226; Шляпкин 1906, таб. XXIII, рис. 358]. Сейчас он находится в Национальном музейном ведомстве Финляндии. Крест изготовлен из песчаника, имеет высоту 0,57 м и был укреплен на специальной каменной плите-постаменте. Его нашли в 1886 г. на холме недалеко от берега озера [Schvindt 1893: 105]. В центре средокрестия вырезан равносторонний четырехконечный крест без подножия. При тождественности формы и морфологии он отличается от креста из Кюлялахти своей лапидарностью — на нем отсутствуют вырезанные, традиционные для данного вида православных артефактов надписи и символы. А.А. Спицин считал, что «простота» креста из Кильпола связана с тем, что он был сделан, вероятно, «на месте» [Спицин 1903: 226]. Но крест идентичен другим многочисленным образцам «новгородских» гладких белокаменных крестов, скромных по декоративному оформлению [Шляпкин 1906, таб. XXI, XXII; Кочкарева 1974, рис. 2], и поэтому нельзя исключить, что он был изготовлен не в Западном Приладожье, а в камнерезных мастерских новгородской округи. Возможно, памятник несколько «моложе» находки из Кюлялахти, так как считается, что традиция изображения прямого креста в средокрестии появляется в XII в., но расцвет использования этого символа приходится только на XV в. [Лесман 1998: 172—173]. В дополнение к православным древностям этого участка побережья Ладоги можно назвать находку в 1922 г. в д. Кильпола Хийтола небольшого клада периода раннего средневековья, в составе

которого была серебряная подвеска-застежка с изображением «процветшего креста» [Кочкуркина 1981: 117].

Традиция возведения каменных крестов в Северной Европе известна с конца VIII в. [Яшкина 1998: 75]. А.А. Спицин и И.А. Шляпкин считают, что обычай сооружения северорусских каменных «крестов в круге» появляется в XIV–XV вв. Другие исследователи называют более раннее время — конец XIII — начало XIV в. [Порфиридов 1963: 195]. В XIV–XVI вв. кресты становятся распространенным видом памятников на сельских курганно-жальничных могильниках Новгородской земли [Яшкина 1998: 77, 80]. Причины, почему к XV в. столетняя «мода» на изготовление таких выразительных монументов исчезает, могут быть самыми различными: от исчезновения небольшого числа мастеров-крестечников в ходе многочисленных бедствий (эпидемий, голода, набегов) до введения запрета на использование данного символа в процессе государственной унификации различных сторон православной обрядности в Московской Руси.

Каменные четырехконечные «кресты в круге» Новгорода и Новгородской земли, высеченные из цельного блока светлого известняка, часто украшенные фигуративными изображениями и соответствующими каноническими надписями, отличаются по морфологии от «псковских» и «изборских» каменных изваяний «примитивной» четырехконечной формы, составлявших большинство надмогильных сооружений на Северо-Западе России [Седов 1976: 103]. «Форма описанных крестов происходит, надо думать, от обычных византийских крестов в кругу, который может означать, ближе всего, нимб, а может, и терновый венец» [Спицин 1903: 214].

Единообразие надписей, стандартизация общей морфологии каменных «крестов в круге» свидетельствуют об их создании в одной мастерской или о существовании очень распространенной традиции их изготовления.

Большинство отечественных исследователей в своей работе придерживаются простой классификации, предложенной в начале XX в. ставрографами А.А. Спициным и И.А. Шляпкиным для «русских» каменных крестов Северо-Запада России: надмогильные — «без круга и в кругу», памятные и поклонные — храмовые и придорожные [Спицин 1903: 206, 220; Шляпкин 1906]. Функция крестов со временем могла изменяться общиной, например надмогильные кресты с целью вторичного использования часто переводились в группу поклонных при установке их в часовнях или церквях [Панченко 1996: 43]. Памятные кресты в качестве путевых знаков обычно устанавливались на речных путях [Воронин 1940: 309–315]. Могли они использоваться и как камни-«межники». Крест из Кюлялахти является надмогильным памятником, что подтверждается находением его в контексте средневекового могильника. Возможно, он мог быть частью не отдельного погребения, а иметь общую атрибутивную нагрузку для всего сельского кладбища. Белокаменные кресты не-

традиционной формы, изготовленные из «неместного» материала, и через столетия после их установки имели высокий семиотический и символический статус священного предмета округи, придавая ей более значимое положение в крае.

Христианские древности не ограничивались крестами, высеченными из камня. Их дополняли широко распространенные на всем Русском Севере аналоги из дерева, от которых до настоящего времени сохранились только их основания — валунные кучи [Шахнович 2005: 271–273].

Оба рассмотренных каменных креста представляют пример эстетических пристрастий периода становления Православия на территории Западного Приладожья. На сегодня, по нашим сведениям, это самый западный пункт находок «новгородских» каменных «крестов в круге». Каменные кресты подобного типа в Юго-Западном Приладожье пока не известны.

Библиография

Артемов А.В. К вопросу о хронологии намогильных каменных крестов малых городов Псковской земли XIV–XV вв. // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. М., 1988.

Буров В.А. Путешествие каменного «келейного креста» преподобного Савватия // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. Вып. 5. Архангельск, 2006. С. 66–70.

Воронин Н.Н. Новые памятники русской эпитафии XII в. // СА. 1940. Вып. VI. С. 309–315.

Гнутова С.В. Орудия Страстей Христовых на русских крестах XVII–XIX вв. // Филевские чтения. Вып. V. М., 1994. С. 68–86.

Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова. Отд. 8–9. М., 1908.

Кочкарева М.Н. Новгородские каменные кресты из собрания Ростовского музея // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 107–110.

Кочуркина С.И. Археологические памятники корелы. Л., 1981.

Лесман Ю.М. Композиция декора ювелирных изделий Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 10. Новгород, 1996. С. 110–125.

Лесман Ю.М. К иконографии древнерусских металлических крестов-подвесок: общие пропорции креста // Церковная археология: Материалы 2 Всероссийской церковно-археологической конференции. Вып. 4. СПб., 1998. С. 171–173.

Макарий, архимандрит. О древних титлах на крестах // Известия Императорского Русского Археологического общества. Т. 1. Вып. 4. СПб., 1859. С. 209–211.

Макарий, архимандрит (Н.К. Миротубов). Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и окрестностях. С. I–II. М., 1860.

Макарий, архимандрит. Древние кресты в Новгороде, поставленные на поклонение // Известия ИАО. Т. II. Ч. 2. СПб. 1861. С. 84–101.

Макарий, архимандрит (Н.К. Миротубов). Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и окрестностях. С. I–II. М., 1860.

Мальшевский И.И. О придорожных крестах // Труды Киевской Духовной Академии. Т. 3. Киев. 1865. С. 1–106.

Молодин В.И. Европейские кресты-тельники // Ставрографический сборник. Кн. 3. М., 2005. С. 83–133.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (НПЛ). М.; Л., 1950.

Овсянников О.В., Чукова Т.А. Северные каменные и деревянные кресты XVIII–XIX вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. ТД НПК. Псков, 1990. С. 83–85.

Овсянников О.В. Каменные кресты Архангельского Поморья // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. СПб., 1994. С. 171–182.

Панченко А.А. Почитание каменных крестов на Северо-Западе России // Живая старина. 1996. № 3. С. 40–43.

Панченко А.А., Селин А.А., Яшкина В.Б. Почитаемое место у д. Кашельково. Опыт междисциплинарного исследования местной святыми // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 11. Новгород, 1997. С. 365–374.

Панченко А.А. «Поставлен святой крест...»: о надписях на средневековых каменных крестах // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Связывающие пути и организующие центры. СПб., 2002. С. 186–191.

Покровский Н.В. Евангелие в памятниках иконографии. М., 1892. Переиздание: М., 2001.

Порфиридов Н.Г. Малоизвестный памятник древнерусской скульптуры (каменный крест из Боровичей) // Древнерусское искусство XV — начала XVI вв. М., 1963. С. 184–185.

Пежемский Д.В. Пути объективации ставрографических исследований. Ч. II // Ставрографический сборник. Кн. 3. М., 2005. С. 645–656.

Сакса А.И., Янин В.Л. Свинцовые печати из раскопок в Кореле // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 10. Новгород, 1996. С. 187–194.

Седов В.В. Войносоловский крест // СА. 1962. № 3. С. 311–314.

Седов В.В. Изборские каменные кресты // Средневековая Русь. М., 1976. С. 102–107.

Соленикова Е.В. О происхождении закладных крестов в новгородской архитектуре // Церковная археология: Материалы Первой Всероссийской конференции. СПб., 1995. Ч. 2. Христианство и древнерусская культура. С. 103–105.

Соленикова Е.В. Закладные кресты в архитектуре Северо-Запада России. СПб., 1996.

Спицин А.А. Заметки о каменных крестах, преимущественно новгородских // ЗОРСА. Т. 5. Вып. 1. 1903. С. 203–234.

Шахнович М.М. Валунные насыпи на территории Карелии // Кижский вестник. Вып. 10. Петрозаводск, 2005. С. 260–277.

Шляпкин И.А. Древние русские кресты. Т. 1. Кресты новгородские до XV века, неподвижные и не церковной службы // Записки отд. Русской и славянской археологии ИРАО. Т. VII. Вып. 2. СПб., 1906. С. 49–84.

Чистяков А.Ю. Намогильные кресты в Ингерманландии: традиции и современность // Геральдика: Материалы конференции «10 лет восстановления геральдической службы России». СПб., 2002. С. 131–140.

Яшкина В.Б. (Панченко) К вопросу о распространении каменных крестов Древней Руси // Староладожский сборник. СПб., 1998. С. 75–89.

Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. II. М., 1970.

Ярмолович И.А. Каменный крест из д. Теребуни на р. Мшаге // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 17. В. Новгород, 2003. С. 323–329.

Чистяков А.Ю. Намогильные кресты в Ингерманландии: традиции и современность // Геральдика: Материалы конференции «10 лет восстановления геральдической службы России». СПб., 2002. С. 131–140.

Schvindt T. Tietoja Karjalan Rautakaudesta. Helsinki, 1893.

ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии и Императорского Русского археологического общества.